

Maria V. Bobrova

Perm State University, Perm, Russia

Somatisms in Modern Nicknames of the Perm Region

Voprosy onomastiki, 2018, Volume 15, Issue 2, pp. 162–179

DOI: 10.15826/vopr_onom.2018.15.2.019

Language of the article: Russian

Боброва Мария Владимировна

Пермский государственный национальный исследовательский университет,

Пермь, Россия

Соматизмы в современных прозвищах Пермского края

Вопросы ономастики. 2018. Т. 15. № 2. С. 162–179

DOI: 10.15826/vopr_onom.2018.15.2.019

Язык статьи: русский

DOI: 10.15826/vopr_onom.2018.15.2.019
УДК 811.161.1'282.2(470.53) + 811.161.1'373.23 +
+ 81:39

М. В. Боброва
Пермский государственный
национальный
исследовательский университет
Пермь, Россия

СОМАТИЗМЫ В СОВРЕМЕННЫХ ПРОЗВИЩАХ ПЕРМСКОГО КРАЯ*

В статье в различных аспектах изучены наименования частей тела, представленные в современных прозвищах жителей Пермского края. На материале более 360 таких онимов: 1) составлен регистр реконструируемых соматизмов, определены наиболее востребованные лексемы; 2) выявлены транслируемые исследованными прозвищами признаки и функции частей тела, актуальные для номинаторов; 3) определена специфика «наивной анатомии», описанной в прозвищах, в сравнении с научной. Констатирована «асимметричность» описания в таких онимах «человека телесного»: отдельные органы, их системы представлены детально / избыточно / лакунарно; чаще онимы мотивированы названиями наружных элементов передне-верхней части тела (лица, рта), а также живота (преимущественно живота беременных женщин). В прозвищах транслируются такие свойства частей тела, как выступание / возвышение на поверхности тела, необычно большой размер, необычная форма, обилие и т. п. Функционально ориентированные научные представления о частях тела как средствах жизнеобеспечения не релевантны для наивной анатомии. Обыденная языковая практика отражает ее функционально-прагматическую направленность. Человек предстает как пространственный объект, обладающий своим «ландшафтом» и «рельефом». При этом соматизмы — ориентир в пространстве анатомическом, отсомонимные прозвища — ориентир в пространстве социальном (антропонимы маркируют членов «своего» коллектива среди «чужаков»). Сделаны выводы о том, что

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00555.

современные прозвища жителей Пермского края, восходящие к соматической лексике, свидетельствуют о сохранении генетической связи между системой названий частей тела и традиционной картиной мира и о расхождении наивных и научных принципов описания тела человека. В прозвищах транслируются традиционные бинарные оппозиции *свой — чужой, передний — задний, верхний — нижний*, для них не релевантна оппозиция *правый — левый*.

К л ю ч е в ы е с л о в а: антропонимия, прозвища, соматизм, сомоним, соматическая лексика, Пермский край, лингвокультурология, диалектология.

1. Введение

В современной лингвистике, устремившейся от «имманентного языка в себе» к «имплицитно содержащемуся в языке человеку», а точнее его представлениям о мире, в последние годы выявились точки наибольшего приложения усилий исследователей. Парадоксальным, но и закономерным в этих поисках «человека культурного», отраженного в языке, стал интерес к человеку физическому, поскольку «процесс познания предмета начинается с его вычленения из окружающей действительности и его отделения от пространственного фона» [Арутюнова, 1999, 15]. Появились многочисленные работы, связанные с изучением соматизмов, в силу того, что соматический код является одним из наиболее древних (а возможно, и самым древним) из существующих кодов культуры. Осваивая мир, человек оперировал представлениями о самой близкой и доступной из систем — о человеческом организме: «Человеческое тело оказалось одним из самых доступных для наблюдения и изучения объектов, и слова, обозначающие части тела человека, так же древни, как и само человеческое сознание» [Белявский, 1997, 19]. Естественным образом человек проецировал знания о себе как явлении физическом на физический мир, а затем знания о мире — на себя. По выражению В. В. Красных, «в освоении мира человек совершил путь от самого себя к самому себе же» [Красных, 2001, 233]. Части тела стали не только инструментом познания и преобразования окружающей действительности, но также средством измерения вещей, их счета, эталоном, задающим систему координат для ориентации во времени и пространстве, а далее систему ценностно-смысловых координат в социуме, и, наконец, средством широкой символизации [см. об этом: Богус, 2006, 3].

Помимо древности и высокой информативности, группа соматизмов обладает еще одним безусловным преимуществом перед многими другими группами (лексическими, лексико-семантическими, тематическими): она достаточно четко очерчена, что облегчает отбор лексики для анализа и позволяет избежать чрезмерного расширения списка анализируемых слов и/или фразеологизмов.

Вместе с тем до сих пор не устоялась терминология данной сферы. Наиболее употребительное понятие «соматический», заимствованное Ф. О. Вакком из биологии, использовалось в противопоставлении материальной оболочки

и идеальной, духовной организации человека, но для большинства исследований эта оппозиция не актуальна. Предпринимается деление частей тела на натуральные и конвенциональные [Вайнтрауб, 1998], на реальные (*голова, нога, спина*) и воображаемые (*душа*) [см.: Березович, 2016а, 86; 2016б, 180]. Наряду с термином *соматизм* появляются также *сомоним* и *соматоним*, причем область применения последних двух может сужаться ономотологами до группы имен собственных, образованных от наименований частей тела.

Во избежание чрезмерной повторяемости мы используем в качестве синонимичных термины *соматизм* и *сомоним* для обозначения слов лексико-семантической группы «Части тела» и термины *соматический* и *отсомонимный* применительно к именам собственным, образованным от названий частей тела. Считаем также необходимым подчеркнуть, что мы различаем соматизмы и соматическую лексику. Под первыми нами понимаются непосредственные наименования тела человека или животного, частей (компонентов, элементов) тела, т. е. то, что можно было бы обозначить понятием «соматический объект»: *глаз, брюхо, пятка, рука, нос, волос, зуб, горб, кровь* и др. Под вторыми — не только телесные номинации, но и производные от таких наименований лексемы: *глазастый, брюхан, беспяточный, светловолосый, кривозубый, горбатый, обескровить* и под. В настоящей работе рассматриваются прозвища, включающие соматическую лексику, в том числе и такую, на основе которой восстанавливаются соматизмы, послужившие предметом изучения. В то же время отсеивались онимы, лишь косвенно связанные с данной группой: отклонялись лексемы, характеризующие внешность человека, но не находящиеся с соматизмами в отношениях производности (ср. *Рыжик, Бритый, Косая, Лысый* и др.).

Соматизмы всегда привлекали пристальное внимание исследователей. В работах последних лет на этом материале изучаются языковые универсалии [Арутюнова, 1999], соматизмы описываются и классифицируются на материале разных языков [Масалева, 2010; Домосилецкая, 2011; Старых, 2011; Березович, 2013], в том числе в контрастивных работах [Башкатова, 2012; 2014]. Особенно многочисленны исследования соматической фразеологии в русле стилистических [Ивченкова, 2011], контрастивных [Горды, 2010; Егоров, 2011], лингвокультурологических и этнолингвистических [Омиралиева, 1999; Березович, Седакова, 2012; Березович, 2016а, 2016б] изысканий. По данным разных языков изучается не только апеллятивная, но и ономастическая лексика, восходящая к наименованиям тела и его частей [Крюков, 2012]. Среди антропонимических исследований наибольший интерес представляет статья О. Д. Суриковой «Отсоматические образования с приставкой *без-* в русском и украинском антропонимиконе» [Сурикова, 2013], выполненная с использованием семантико-мотивационного и лингвостатистического методов анализа.

Целью настоящей статьи стал анализ лексики, формирующей «телесный» код в современных прозвищах. Прежде всего нас заинтересовал вопрос, в какой

мере в таких антропонимах отражены представления современных пермских диалектоносителей о теле человека (или — реже — животных и птиц). На этом основании материал для исследования отбирался на формальных основаниях (критерий — принадлежность слова к наименованиям частей тела), безотносительно к мотивации. Мотивационный, функциональный, собственно лингвокультурный аспекты изучения отобранных единиц рассматриваются как сопутствующие.

Нами исследуются современные прозвища (далее в дефинициях — «пр.») жителей Пермского края. Частично материал собран (в том числе автором статьи) в краевом центре, частично — в ходе диалектологических экспедиций в различных (преимущественно сельских) населенных пунктах Бардымского, Больше-сосновского, Верещагинского, Добрянского, Красновишерского, Куединского, Кунгурского, Октябрьского, Осинского, Оханского, Пермского, Сивинского, Соликамского, Суксунского, Усольского, Чайковского, Чердынского, Чернушинского районов Пермского края. Прозвища собраны путем анкетирования, опроса, включенного наблюдения. Некоторые прозвища были ранее введены в научный оборот в работах, существующих на правах рукописи (в курсовых, выпускных квалификационных, дипломных работах студентов-филологов вузов Перми, а также в кандидатской диссертации [Сироткина, 1999]).

Количество соматических прозвищ достаточно велико. 360 обнаруженных нами таких прозвищных номинаций составляют около 10 % от общего количества в нашем архиве. Результат поиска ожидаем: логично, что неофициальные именованья человека часто мотивированы лексикой, непосредственно человека и описывающей, и анатомия человека нашла в них широкое, хотя и в определенном смысле асимметричное отражение, определяемое «углом зрения» на человека именно в прозвищах.

Но подходы исследователей к отбору соматизмов не всегда совпадают. Так, может отвергаться лексика, связанная с телесным кодом не человека, но животных и птиц (ср. *лапа, рог, кра, перо, шерсть* и другие единицы). Кроме того, не все лингвисты считают соматизмами названия отделяемых жидкостей, продуктов выделительной системы организма (ср. *сопля, г*вно, сперма* и др.), искусственных частей тела (ср. *фикса* жарг. 'вставной (искусственный) зуб'), некоторые другие группы слов. Во избежание расхождений в принципах отбора материалов было решено не учитывать подобные наименования при подсчетах в настоящей работе. При таком подходе общее количество учтенных прозвищ сократилось до 327.

Специфику материала обуславливают в первую очередь модели номинации, сложившиеся в современных прозвищных наименованиях. Такие онимы являются неофициальными, обычно характеристическими (квалитативными) и потому часто фамильярными, даже бранными. В итоге среди прозвищ велико количество оценочных слов или слов, выступающих в качестве оценочных (*Пузанчик* 'пр. беременной женщины', *Ж*на* 'пр. женщины с неприятной внешностью и плохим

характером'). Значительная часть производящей лексики является сниженной: разговорной, просторечной, грубо просторечной.

Один из основных принципов формирования прозвищ — языковая игра. Как следствие, соматизмы попадают в прозвищные номинации не только непосредственно (прямо), но и опосредованно. В первом случае используются различные лексико-семантические модели: метонимический перенос (ср. *Косичка* 'пр. мужчины, у жены которого была длинная коса'; чаще по типу синекдохи: *Голова, Брови, Жир*) либо метафорическое воплощение характеризующего признака (*Кость* 'пр. мальчика, который постоянно досаждал одноклассникам, причиняет им неприятности'). Во втором случае находят применение модели словообразовательные, лексические и синтаксические: наименования тела или его частей проникают в онимы посредством производных от них слов, нередко неологизмов или окказионализмов (*Зубыч, Крыл, Плешик*), через прецедентные имена (*Кудряшка Сью* < имя персонажа одноименной американской комедии; *Синяя Борода* < имя персонажа французского фольклора), в составе синтаксических конструкций (*Косой Глаз — Меткий Выстрел, Голова Босиком*), через прозвища комбинаторного типа (*Ломоносова* 'пр. девочки, которая однажды сломала нос': из *ломать нос* и *Ломоносов*). Кроме того, онимам с прямой номинацией омонимичны прозвища, возникшие в результате усечения производящей проприальной лексемы — обычно фамилии (*Башка* из *Башков*, *Голова* из *Головатый*). Иногда соматизмы фигурируют в произвольных мутациях исходных (производящих) языковых единиц (*Спиноза* 'пр. подростка с широкой спиной').

В результате в части прозвищных именовании сигнификат непосредственно связан с анатомической сферой (*Усик*: сигнификат — 'человек с усами'; *Ухо*: сигнификат — 'человек с одним оттопыренным ухом'; *Челюсть*: сигнификат — 'человек с непропорционально большой, выступающей нижней челюстью'); в части прозвищ тесная связь отсутствует (*Голова* 'пр. умного человека'); ряд прозвищ антропонимного происхождения обладает пустым или ложным сигнификатом — ср. отфамильные онимы, приведенные выше.

Тем не менее значима каждая отсомонимная единица, поскольку о важности предметов и явлений действительности (лингвистической, национально-культурной, историко-культурной, лингвокультурной и др.) говорит не только собственно существование лексики, но и использование таких номинаций в нестандартных позициях, в частности в переносных значениях, в онимах, в роли прецедентных единиц и т. д. Нами учитываются все прозвища, лексически, лексико-семантически, словообразовательно связанные с соматизмами, ср.: *Ухо, Пермь — Солёные Уши, Пермь — Солёны Уши, Ушки, Ушан, Ушанебек, Ушастый, Ушастая, Большеухий, Карнаухий, Ухин, Ухоплан* и под. В качестве основного варианта берутся бессуффиксные формы единственного числа, вне зависимости от частотности употребления лексемы в живой речи, например *шар* 'глаз', а не *шары*.

2. Соматизмы в количественном аспекте

Приведем представленные в прозвищах соматизмы в порядке убывания частотности их употребления: *пузо* (74), *зуб* (23), *голова* (14), *борода*, *ухо* (по 13), *нога*, *нос* (по 12), *глаз* (11), *писа* (10), *ус*, *череп* (по 8), *морда*, *попа*, *хохол* (по 6), *башка*, *горб*, *губа*, *ж*па*, *кость*, *кудри*, *скелет* (по 5), *лоб*, *мясо*, *сало*, *харя* (по 4), *мозг*, *пятка*, *титя*, *щека*, *яйцо* ('тестикула') (по 3), *бородавка*, *брюхо*, *волос*, *жир*, *колени*, *коса*, *ноздря*, *печень*, *плешь*, *прыщ*, *рука*, *шея* (по 2), *бровь*, *брыла* (диал. 'губа'), *десна*, *задница*, *кишка*, *клык*, *кожа*, *копчик*, *локоть*, *ляжка*, *пенис*, *пуп*, *пятак*, *сися*, *спина*, *тишка*, *хрящ*, *чёлка*, *челюсть*, *чуб*, *шар* (диал. 'глаз'), *шнопарь* (жарг. 'нос'), *фигура*, *х*й*, *язык* (по 1). Прозвища *Костыль-Рука Протез-Нога*, *Кишконогая*, *Лена Сиси До Колена*, *Пузобрюх* входят сразу в две группы, поэтому суммарная цифра в 331 единицу отличается от заявленной (327); на эту цифру мы будем опираться и далее.

Как видно из приведенной статистики, в числе используемых в прозвищах 67 соматизмов можно выделить высокочастотные (74 и 23 антропонима), среднечастотные (8–14 прозвищ), низкочастотные (3–6 онимов) и единичные (1–2 фиксации). Все единицы конкретны, названия воображаемых частей тела (*душа*) отсутствуют.

Интересно сопоставить наши данные с выводами, которые получены О. Д. Суриковой преимущественно на основе фамилий, т. е. исторических данных. Исследовательницей обнаружено, что в отсоматических антропонимах с приставкой *без-* чаще всего отражается отсутствие таких органов, как рука, палец, зуб, борода, нос, ухо, реже — иных частей тела (голова и лица, туловища, конечностей, внутренних органов, органов опорно-двигательной системы, плоти и жира, покровов). В наших материалах зафиксировано четыре прозвища с приставкой *без-*, которые отвечают этим наблюдениям: *Петя Безрукий* 'пр. мужчины, лишившегося руки', *Безъяишный* 'пр. бесплодного мужчины', *Безногий* 'пр. мужчины с частично ампутированной ногой', *Заяц Беззубый* 'пр. девушки, у которой не было одного переднего зуба'.

Вероятно, следует согласиться с О. Д. Суриковой в том, что при отражении в прозвище физического дефекта большую роль играют внеязыковые факторы, в частности «принадлежность части тела к разряду функциональных или топографических», «высокая степень бытовой травматичности той или иной части тела (например, пальцев, рук или ног)» [Сурикова, 2013, 70]. Однако применительно к прозвищам в целом необходимо искать иные причины большей или меньшей продуктивности моделей отсоматических образований.

На основе выявленных соматизмов попытаемся воссоздать отраженный в соматических прозвищах анатомический конструкт, выстраиваемый наивным мировосприятием.

Описание отдельных частей тела в разной степени детально. Способствуют этому языковые средства, например синонимичные сомонимы (ср. *жир* и *сало*).

Для образования прозвищ может привлекаться несколько вариантов наименования одного элемента. Наряду с общерусскими литературными отмечаются разговорные и просторечные лексемы (*башка, морда, харя, пятак* 'нос', *сися, титька, титя* и др.), единично — диалектные (*брыла* 'губа', *шар* 'глаз'), жаргонные (*шнопарь* 'нос'). Номинаторами используются не только общие названия каких-то анатомических элементов, но и названия их компонентов («деталей»): *нос, шнопарь* — и *ноздря; скелет* — и *череп, челюсть, копчик*.

Обнаруживаются лакуны, охватывающие отдельные элементы и целые системы жизнедеятельности организма. «В организме человека выделяют следующие системы органов: скелета, соединения костей, мышечную, пищеварительную, дыхательную, мочевую, половые (мужскую и женскую), нервную, лимфоидную и эндокринную, сердечно-сосудистую» [Билич, Зигалова, 2016, 15], самостоятельно рассматриваются органы чувств (органы зрения, слуха и равновесия, вкуса и обоняния, кожа и ее производные (молочные железы) [см., например: Сапин, Швецов, 2008]. Частично в прозвищах отражены представления об элементах опорно-двигательного и мочеполового аппарата, органах чувств, нервной, пищеварительной систем (ср. *Шлён-Нога, Писюн, Сизый Нос, Мегамозг, Печень* и под.). Совершенно не отражены представления о частях кроветворной, иммунной (лимфоидной и эндокринной), дыхательной систем. Отсутствуют прозвища, производные от именовании кистей рук, плеч, лопаток, грудной клетки, костей ног, ступней и др. Отсутствуют, в частности, онимы, восходящие к наименованиям центрального органа кровообращения — сердца. Можно было ожидать актуализацию в прозвищах представления о сердце как о средоточии эмоциональной жизни человека, но и в метафорическом употреблении соответствующего соматизма мы не выявили.

Констатируем асимметричность описания тела человека в современных пермских прозвищах, проявляющуюся в избыточности / детальности / лакунарности отражения представлений об отдельных частях тела.

Большинство номинаций (272 из 327) связано с соматизмами «внешнего плана», причем эта тенденция охватывает даже отантропонимные (отыменные и отфамильные) единицы, приобретая характер закономерности. По преимуществу используются названия выступающих, имеющих определенные очертания частей тела. Повышенную «прозвищную активность», под которой мы понимаем способность лексем выступать в составе прозвищ, демонстрируют слова, номинирующие такие элементы тела, как голова, нос, живот, уши, зубы. Наоборот, активность предельно понижена у наименований внутренних органов.

В научной теории принято различать части тела: в вертикальной сагиттальной плоскости, которая разделяет правую и левую половину тела; в вертикальной фронтальной плоскости, которая разделяет переднюю (брюшную) и заднюю (спинную) части; в горизонтальной плоскости, которая «ориентирована перпендикулярно сагиттальной и фронтальной и отделяет лежащие ниже отделы тела

<...> от вышележащих» [Сапин, Швецов, 2008, 11]. Иными словами, различаются правые / левые, передние / задние, верхние / нижние элементы.

Сфокусируемся на отдельных группах соматизмов в наших материалах. Сакиттальное сечение («правое — левое») здесь не лексикализовано; выявленные единицы характеризуют строение тела в вертикальном фронтальном и горизонтальном разрезе. В сечении «передний — задний» лексика выстраивается таким образом: 1) части лица, передней половины тела: *чёлка, морда, харя, лоб, бровь, глаз, шар, нос, пятак, инопарь, ноздря, щека, ус, борода, губа, брыла, язык, челюсть, десна, зуб, клык, сися, титька, титя, пузо, брюхо, пуп, penis, пися, х*й, яйцо, колено*, всего 32 соматизма в 200 прозвищах; 2) части задней половины головы, тела: *коса, плешь, спина, горб, ж*па, задница, попа, копчик, пятка*, всего 9 соматизмов в 26 прозвищах; 3) элементы тела, не локализуемые во фронтальном сечении: *фигура, кожа, бородавка, прыщ, башка, голова, волос, кудри, хохол, чуб, ухо, шея, рука, локоть, нога, ляжка, скелет, кость, череп, мозг, хрящ, мясо, печень, кишка, жир, сало*, всего 26 соматизмов в 105 прозвищах.

В сечении «верхний — нижний» выявляются следующие группы: 1) части верхней половины тела: *башка, голова, череп, мозг, кудри, коса, хохол, чёлка, чуб, плешь, ухо, морда, харя, лоб, бровь, глаз, шар, нос, пятак, инопарь, ноздря, щека, ус, борода, губа, брыла, язык, челюсть, десна, зуб, клык, шея, рука, локоть, сися, титька, титя, горб*, всего 38 соматизмов в 175 прозвищах; 2) части нижней половины тела: *penis, пися, х*й, яйцо, ж*па, задница, попа, копчик, нога, ляжка, колено, пятка*, всего 12 соматизмов в 46 прозвищах; 3) срединные части тела: *пузо, брюхо, пуп, печень, кишка, спина*, всего 6 соматизмов в 81 прозвище; 4) элементы тела, не локализуемые в горизонтальном сечении: *фигура, кожа, бородавка, прыщ, волос, скелет, кость, хрящ, мясо, жир, сало*, всего 11 соматизмов в 29 прозвищах.

Совместим два этих «разреза», возвращая человеческой фигуре свойственную ей объемность, и выделим такие группы соматизмов: 1) наименования верхних передних частей тела: *чёлка, морда, харя, лоб, бровь, глаз, шар, нос, пятак, инопарь, ноздря, щека, ус, борода, губа, брыла, язык, челюсть, десна, зуб, клык, сися, титька, титя*, всего 23 соматизма в 112 прозвищах; 2) наименования срединных передних частей тела: *пузо, брюхо, пуп*, всего 3 соматизма в 77 прозвищах; 3) наименования нижних передних частей тела: *penis, пися, х*й, яйцо, колено*, всего 5 соматизмов в 17 прозвищах; 4) наименования верхних задних частей тела: *коса, плешь, горб, локоть*, всего 4 соматизма в 10 прозвищах; 5) наименования срединных задних частей тела: *спина*, всего один соматизм в одном прозвище; 6) наименования нижней задней части тела: *ж*па, задница, попа, копчик, пятка*, всего 5 соматизмов в 16 прозвищах; 7) элементы тела, не локализуемые во фронтально-горизонтальном сечении: *башка, голова, череп, мозг, волос, кудри, чуб, ухо, шея, рука, нога, ляжка, фигура, кожа, бородавка, прыщ, скелет, кость, хрящ, мясо, печень, кишка, жир, сало*, всего 24 соматизма в 98 прозвищах.

Таким образом, в исследованных прозвищах не представлена оппозиция «правый — левый» и манифестируется оппозитивность переднего и заднего, верхнего и нижнего. При этом абсолютно преобладают «передние» названия над «задними», значительно — «верхние» над «нижними».

Помимо этого, возникает необходимость выделить названия органов, которые воспринимаются как центральные — с точки зрения пространственного расположения и жизненной важности. Большинство таких названий составляют обозначения живота, главным образом — живота беременных женщин, что, возможно, проистекает из представлений об этой части тела как о средоточии жизни — самого человека и — в случае с женщинами — будущего ребенка. Всего зафиксировано 76 прозвищ, производных от наименований живота (от сомонимов *брюхо* и *пузо* и их производных), но лишь четыре из них не принадлежали беременным. Употребительность корня *пуз-* в данном значении настолько высока, что слово *пузо* (и производные от него) способно претендовать на роль «терминологического» обозначения именно живота женщин в период беременности на фоне отсутствия такого термина в литературном языке. Вероятно, в народном восприятии такое положение в лексической системе воспринимается как лакуна, требующая заполнения.

При соотношении названий с «наиболее крупными» соматическими объектами лексика располагается следующим образом: 1) голова: *башка, голова, череп, мозг, кудри, коса, хохол, чёлка, чуб, плешь, ухо, морда, харя, лоб, бровь, глаз, шар, нос, пятак, шнопарь, ноздря, щека, ус, борода, губа, брыла, язык, челюсть, десна, зуб, клык*, всего 31 соматизм в 161 прозвище; 2) шея: *шея*, всего один соматизм в двух прозвищах; 3) корпус тела человека: *сися, титя, пузо, брюхо, пуп, penis, пися, х*й, яйцо, спина, горб, ж*па, задница, попа, копчик, печень, кишка*, всего 17 соматизмов в 120 прозвищах; 4) конечности: *рука, локоть, нога, ляжка, колено, пятка*, всего 6 соматизмов в 21 прозвище (из которых прозвищ от наименований элементов верхних конечностей — 3, от наименований частей нижних конечностей — 18); 5) элементы тела, не имеющие четкой / однозначной локализации: *фигура, кожа, бородавка, прыщ, волос, скелет, кость, хрящ, мясо, жир, сало*, всего 11 соматизмов в 27 прозвищах.

Распределение соматизмов по данным группам позволяет уточнить уже сделанное наблюдение: в прозвищных номинациях человека отражаются прежде всего названия не просто передних или верхне-передних частей тела, а названия элементов головы, и конкретнее — лица и рта, а кроме того, названия живота беременных женщин. Всего из 331 прозвища в 100 онимах (почти в трети случаев) содержатся номинации элементов рта и лица, в 80 — номинации живота и элементов брюшной полости, что в совокупности дает 180 единиц, или 54,4 % от общего числа номинаций.

3. Соматизмы в мотивационном аспекте

Показательными оказываются и признаки частей тела, представления о которых транслируются исследованными прозвищами.

Чаще всего прозвищная активность соматизмов обеспечивается такой особенностью, как непропорционально большой размер, объемность той или иной части тела (ср.: *Голова* 'пр. человека с большой головой', *Брови* 'пр. человека с широкими густыми бровями', *Пузобрюх*, *Пуз*, *Пузан*, *Пузанчик*, *Пузёньши*, *Пузенька*, *Пузик* и др. 'пр. беременных (т. е. с увеличившимся животом) женщин', *Пузан*, *Пузо* 'пр. мужчин с большим животом', *Губа* 'пр. девушки с полной нижней губой', *Жир*, *Жиряга* 'пр. полных людей', *Ж*настояя*, *Понис* 'пр. девушек с широкими бедрами, крупными ягодицами', *Зуб* 'пр. школьника с крупными, выдающимися вперед зубами', *Мозгара* 'пр. школьника с черепом неправильной формы — с укрупненной мозговой частью', *Мегамозг* 'пр. школьника с крупной головой, размер которой еще зрительно увеличивался в зимней шапке', *Мордасова* 'пр. школьницы с крупным лицом', *Нос* 'пр. человека с большим носом', *Спиноза* 'пр. подростка с широкой спиной', *Утконос* 'пр. мужчины с крупным носом', *Нос*, *Носик* 'пр. мужчин с длинным носом', *Ушанебек*, *Ушан*, *Ушастый*, *Ушастая* 'пр. людей с большими ушами', *Челюсть* 'пр. женщины с крупными вставными зубами и выступающей из-за них челюстью', *Шарылко* 'пр. мужчины с большими глазами', *Шиоки Мои* 'пр. располневшей беременной женщины (в речи мужа)'. В наших материалах лишь в прозвище очень худых людей — *Скелет* — отражен малый, недостаточный размер, в данном случае всего тела.

Несколько менее востребована фиксация наличия / отсутствия того или иного соматического объекта у человека в отличие от окружающих (ср.: *Борода* 'пр. учителя с бородой', *Кудряшка Сью* 'пр. кудрявой школьницы', *Усатый* 'пр. усатого учителя', *Усик* 'пр. подростка, у которого, единственного в классе мальчика, начинали расти усы', *Принцесса Чёлка* 'пр. девочки с челкой'); признак формы части тела (ср.: *Горбатый* 'пр. сутулого подростка', *Зуб*, *Клык* 'пр. подростков с кривыми зубами', *Пятак* 'пр. мужчины, нос которого напоминает свиное рыло', *Шнопарь* 'пр. курносого человека', *Ухо* 'пр. подростка, у которого одно ухо оттопырено', *Длинношеее* 'пр. школьника с худой и длинной шеей').

Гораздо менее востребованы признаки «наличие аномальных соматических объектов» (в прозвищах косвенно указывается только на обилие, множественность таких объектов: *Бородавка* 'пр. людей с большим количеством бородавок на теле', *Прыщ* 'пр. подростка с большим количеством прыщей на лице'); «внешний вид части тела» (эстетические ее свойства: *Фигура* 'пр. девушки с красивым телосложением'); «окраска части тела» (ср. *Сизый Нос* 'пр. мужчины, страдающего алкоголизмом').

Таким образом, в прозвищах транслируются преимущественно такие свойства частей тела, как особая форма или окраска, необычно большой размер, необычная форма, обилие, вообще наличие вопреки норме.

4. Соматизмы в функциональном аспекте

Особый интерес вызывают представления о функциях частей тела, отраженные в современных прозвищах.

Помимо асимметричности описания «человека телесного», констатируем слабое отражение в онимах представлений о функциональности анатомических элементов, что, вероятно, определяется уровнем познаний номинаторов в анатомии, а также спецификой коннотации тех или иных наименований соматических объектов в обыденной речи. Ср.: научной теории свойственно выделение таких объектов на основе их роли в жизнеобеспечении организма. И, на первый взгляд, исследованные нами материалы отвечают этому принципу, т. к. многочисленны прозвища на базе названий таких важных объектов, как живот, зубы, голова, уши. Однако совершенно не актуальным оказалось, например, свойство ушей, глаз, носа, языка, рук (точнее, ладоней и пальцев), а также кожи быть органами чувств. В образованных от соответствующих соматизмов антропонимах транслируются представления о различных признаках и называемых частях тела (например, указание на непропорционально большой размер или нестандартность формы), но нет ни одного случая, когда бы прозвище было мотивировано способностью человека хорошо слышать, видеть, обонять, различать вкусовые или тактильные ощущения. Указанные факторы (значительная избирательность, если не «произвольность» и спорадичность, выбора номинаций из ряда возможных и слабая связь выбираемых номинаций с функцией соответствующего соматического объекта) не позволяют при анализе прозвищ опираться на классификации соматизмов, ориентированные исключительно на научные представления (ср., например, классификацию, предложенную Р. Ю. Мугу: сомонимическая лексика (обозначения частей и областей человеческого тела), остеонимическая лексика (обозначения костей и их соединений), спланхнонимическая лексика (номинации внутренних органов), ангионимическая лексика (номинации кровеносной системы), сенсонимическая лексика (обозначения органов чувств), лексика, обозначающая болезни [Мугу, 2003, 14–15]). На базе прозвищ обнаруживаются группы лексики, терминологическое обозначение которых должно быть скорректировано с учетом иных, специфичных для прозвищ принципов формирования этих групп.

В свою очередь, в прозвищах (и наивном сознании?) частям тела приписываются функции, не являющиеся релевантными для научного мировидения; реализуется это преимущественно косвенно, путем переноса значений (метафоризации, метонимизации) или субституции понятий (например, лексического переноса по ассоциации или паронимазии). Иными словами, это происходит в процессе «обрастания» сомонимной лексики вторичными смыслами и «втягивания» ее во все новые тематические поля, обычно тогда, когда анатомические названия используются для манифестирования социально значимых признаков носителей прозвищ.

Так, например, номинация *башка* или *голова*, т. е. локация мозга, переносится на мыслительную способность человека (*Башковита* ‘пр. умной девочки’). Более того, множество номинаций отражает представления о полифункциональности частей тела: ноги оказываются средством опоры (*Костыль-Рука Протез-Нога*), средством передвижения (*Сороконожка* ‘пр. школьницы, которая быстро ходит и многое успевает сделать’), а также атрибутом самостоятельного организма (*Четвероножник* ‘пр. беременной женщины (в речи мужа)’; т. е. женщины, у которой две «свои» ноги и две — будущего ребенка); молочная железа оказывается атрибутом женщины (*Лена Сиси до Колена* ‘пр. девушки с большой грудью’) и источником питания для грудного младенца (*Слингожитель-Титькоежка* ‘пр. грудного ребенка (в речи матери)’); название органа зрения переносится на приспособления для зрительного восприятия предметов (*Шестиглазая* ‘пр. учительницы, которая надевала сразу по две пары очков’, *Лупоглазик* ‘пр. школьника, который носит очки’) и выступает как атрибут живого организма (*Подушка с Глазами* ‘пр. беременной женщины’). Возникают даже «функционально оппозитивные» комплексы, ср., например, в онимах *Голова* ‘пр. много знающего ученика’, *Мозг* ‘пр. умного подростка’ — и *Ж*на* ‘пр. недалекого человека’, где голова выступает как средоточие мыслительных процессов, а ягодицы — как часть тела, с мыслительными процессами не связанная.

Как тенденцию, хотя еще и не закономерность, можно отметить вслед за Н. В. Масалевой [2010] тяготение физического верха к позитивным номинациям, физического низа — к негативным.

Иными словами, нельзя утверждать, что наивному мировосприятию, отраженному в прозвищах, не свойственен функциональный взгляд на части тела, но он отличен от научного. Точнее было бы говорить о «функционально-прагматическом» взгляде на анатомическую структуру человека: в прозвищах обнаруживается представление о функционировании частей тела в обыденной практике человека, а уже вслед за этим — специфика использования соматизмов в обыденной языковой практике.

5. Соматизмы в лингвокультурном аспекте

Мы подошли к центральному вопросу о том, чем же обусловлен восстанавливаемый по современным прозвищам образ «человека телесного».

В прозвищах, безусловно, обнаруживается культурно маркированная и окказиональная лексика, однако это характерно для антропонимов, появление которых обусловлено процессами и явлениями типа метафоризации или паронимазии (ср., например, в прозвищах, актуализирующих оппозиции «ягодицы — голова», «ягодицы / спина — лицо»). Но прежде всего в прозвища попадают лексемы, обозначающие те части тела, которые непосредственно попадают в поле зрения, нередко буквально бросаются в глаза при непосредственном общении (лицо,

прическа, уши, рот, особенно крупные, непропорциональные части тела)¹, либо те, которые позволяют идентифицировать человека как знакомого на расстоянии (особенности строения тела, его очертания и т. п.).

Для нас в данном случае очевидна связь лингвистических и экстралингвистических факторов (специфики отбираемых лексем и называемых ими объектов) на базе одной из важнейших бинарных оппозиций традиционной культуры — *свой* — *чужой*. Можно говорить о том, что выстраивается определенный ономастиологический сюжет. При общении узкого круга людей, принадлежащих к определенной социальной группе, возникает тесное межличностное контактирование и обособленность от остальных людей. Иначе — для таких групп характерно четкое деление всех на «своих» и «чужих». Для первых вырабатываются специальные, маркирующие их номинации, в то время как «инородным» лицам в таких номинациях отказывается; и наоборот, «не маркированные» прозвищами лица автоматически попадают в разряд «чужаков». Особенно актуальными при такой номинации становятся единицы, которые позволяют обнаружить и поименовать черту, выделяющую «своего» в данной группе либо в общей массе людей, а языковыми средствами передать эту особенность в собственном («совершенно своем», индивидуальном) имени. И прозвище, таким образом, оказывается единицей, максимально приспособленной (именно приспособленной в процессе эволюции данного разряда наименований в истории русской антропонимии) для этих целей².

Естественным образом при этом в число наиболее востребованных попадают такие лексемы, которые указывают на физическую (физиологическую) особенность (чаще дефект) человека, позволяющую идентифицировать его даже на расстоянии, при большом скоплении людей. И лишь во вторую очередь значимость приобретают лексемы, обозначающие психические и психологические, интеллектуальные, поведенческие особенности человека, которые можно обнаружить при регулярной непосредственной коммуникации и которые актуальны в пределах данной социальной группы (это тот уровень общения, на котором обычно начинает работать метафорическая модель прозвищной номинации). Так проявляется ономастиологический принцип «относительного негативизма», который был выявлен В. А. Никоновым на материале топонимов [Никонов, 1958; 1965: 38–42], но справедливость которого очевидна для всей русской ономастической системы.

¹ Ср., например, в прозвище *Моя Скво Розовая Пятка* 'пр. беременной женщины (в речи мужа)': «А меня муж называет *Моя Скво Розовая Пятка* — по вечерам лежу на диване и закидываю ноги на пирамиду из подушек, пятки мои при этом “смотрят” на вход в комнату и естественно первыми бросаются в глаза, ну и ярко розовые они при этом» [<http://teron.ru/index.php?showtopic=281095&st=20&p=4973469&hl>] (цитируется с сохранением авторской орфографии и пунктуации).

² Ср., например, в наших записях: «В Пушкинском клубе, когда только появляются, их называют по фамилии. Когда че(л)овек вжился, его начинают называть по прозвищу. Чем короче прозвище, тем лучше. Тем больше ты свой» (из личного архива, записано от Д. С. Павловой, Пермь, 2014 г.).

Отсюда высокая частотность использования в прозвищах названий тех соматических объектов, которые возвышаются над поверхностью тела. Отсюда же и фрагментарность описания внутренностей: можно заметить вновь, что из их числа в прозвищах отражены главным образом те, которые способны выделяться под кожным покровом, возвышаться над поверхностью тела (кости скелета), увеличивать его объемы (жировые отложения). И поэтому констатируется повышенная прозвищная активность слов *нос*, *зуб*, но пониженная активность слов *печень*, *хрящи*, нулевая активность слов *кровь*, *сердце*, *селезенка*. По этой же причине уши и нос интересны номинаторам только как выступающие части тела, но не как функционально значимые органы чувств.

В итоге прозвищные номинации формируют специфичный для них «анатомический атлас», отличный от научного. Отбор производящей для прозвищ лексики свидетельствует о том, что части тела не рассматриваются номинаторами (носителями наивного сознания) как части организма, поддерживающие его жизнедеятельность. Соматизмы — это то, что позволяет более свободно ориентироваться в пространстве: первично — в пространстве телесном, вторично (в отсомонимных прозвищах) — в пространстве социальном. Человек предстает как часть окружающего пространства в целом, аналогично последнему — со своим «ландшафтом» и «рельефом». И возникает система названий (соматизмов, затем прозвищ), ориентирующих «на местности». Как следствие, обнаруживается параллелизм в описании тела человека и ближайшего освоенного пространства как сфер традиционной картины мира. Иными словами, человек телесный — это одновременно человек природный, аналогично тому, как, например, при описании интеллектуальных свойств человек предстает как человек «домашний» [см.: Березович, Леонтьева, 2007]. Но развитие положения о пересечении предметных областей «Человек» и «Природа», «Тело» и «Пространство» должно стать одной из задач другой работы — на материале соматизмов в топонимии Пермского края.

Итак, современные прозвища жителей Пермского края, включающие соматическую лексику, свидетельствуют о сохранении генетической связи системы названий частей тела с традиционной картиной мира и о расхождении «наивных» и научных принципов описания тела человека. В прозвищах транслируются традиционные бинарные оппозиции *свой* — *чужой*, *передний* — *задний*, *верхний* — *нижний*, для них нерелевантна оппозиция *правый* — *левый*.

Можно при этом обозначить как тенденцию позитивную маркируемость физической передней стороны и верхней части тела при негативной маркируемости физической задней его стороны и нижней части. Телесная лексика оказывается втянута в понятийную сферу не только пространственную («верх — низ»,

«передний — задний»), но и эстетическую («прекрасный — безобразный») и этическую («хороший — плохой», «добрый — злой»).

-
- Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1999.
- Башкатова Ю. А.* Культурный смысл соматизмов (на материале английского и русского языков) // Вестн. Кемер. гос. ун-та. 2012. № 4 (52). Т. 3. С. 58–61.
- Башкатова Ю. А.* Соматический код культуры как предмет сопоставительного исследования // Сиб. филол. журн. 2014. № 4. С. 220–228.
- Белявский С. Н.* Фразеологизмы говорят о многом: образная фразеология немецкого языка. Минск : Выш. шк., 1997.
- Березович Е. Л.* О «синонимии» переносных употреблений соматической лексики (на материале славянских языков) // Ethnolinguistica Slavica : к 90-летию акад. Н. И. Толстого / отв. ред. С. М. Толстая. М. : Индрик, 2013. С. 297–315.
- Березович Е. Л.* Душа и сердце как органы «шестого чувства» (на материале русского языка) // Dusza w oczach świata / pod red. E. Masłowskiej, D. Pazio-Wlazłowskiej. Warszawa : University Press, 2016a. S. 179–194.
- Березович Е. Л.* Соматическая модель в номинации предчувствий и интуитивных чувствований // Вестн. Кемер. гос. ун-та. 2016б. № 3. С. 86–93.
- Березович Е. Л., Леонтьева Т. В.* Человек «разумный»: языковой образ дурака // Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М. : Индрик, 2007. С. 137–150.
- Березович Е. Л., Седакова И. А.* Славянские соматизмы «кожа» и «шкура» и их вторичные значения // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2012. Т. 71. № 6. С. 12–25.
- Билич Г. Л., Зигалова Е. Ю.* Анатомия человека. М. : Э, 2016.
- Богус З. А.* Соматизмы в разносистемных языках: семантико-словообразовательный и лингвокультурологический аспекты (на материале русского, адыгейского и английского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Астрахан. гос. ун-т. Майкоп, 2006.
- Вайнтрауб Р. М.* Опыт сопоставления соматической фразеологии в славянских языках // Вопр. фразеологии. 1998. № 3. С. 157–162.
- Горды М.* Соматическая фразеология современного русского и польского языков. Щецин : Волумина, 2010.
- Домосилецкая М. В.* Анатомические названия (соматизмы) в Малом диалектологическом атласе балканских языков (МДАБЯ) // Colloquia classica et indo-germanica — 5 / отв. ред. Н. А. Бондарко, Н. Н. Казанский. СПб. : Наука, 2011. С. 64–100.
- Егоров А. В.* Удмуртская соматическая фразеология (в сопоставлении с венгерской). Екатеринбург ; Ижевск : УрО РАН, 2011.
- Ивченко Е. В.* Соматические фразеологизмы как языковые экспоненты культурных знаков в газетном тексте // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. 2011. Сер. 4. № 3. С. 101–104.
- Красных В. В.* Основы психолингвистики и теории коммуникации : курс лекций. М. : Гнозис, 2001.
- Крюков А. В.* Соматическая лексика в финской географической терминологии и топонимии Ингерманландии // Fenno-Lapponica Petropolitana / отв. ред. Н. В. Кузнецова. СПб. : Наука, 2012. С. 289–329.
- Масалева Н. В.* Соматизмы в русской языковой картине мира : дис. ... канд. филол. наук / Иванов. гос. ун-т. Иваново, 2010.
- Музу Р. Ю.* Полисемантизм соматической лексики (на материале русского и немецкого языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Адыг. гос. ун-т. Майкоп, 2003.

- Никонов В. А. Закон ряда в географических названиях // *Onomastica*, 6. 1958. R. 4. № 1. S. 57–73.
- Никонов В. А. Введение в топонимику. М. : Наука, 1965.
- Омиралиева Ж. К. Национально-культурная специфика конвенциональных фразеологизмов с соматизмами : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Казах. нац. ун-т. Алматы, 1999.
- Сапин М. Р., Швецов Э. В. Анатомия человека. Ростов н/Д : Феникс, 2008.
- Сироткина Т. А. Антропонимы в лексической системе одного говора и их лексикография в не дифференциальном диалектном словаре (на материале говора деревни Акчим Красновишерского района Пермской области) : дис. ... канд. филол. наук / Перм. гос. ун-т. Пермь, 1999.
- Старых О. В. Соматизмы как особый класс слов в лексической системе церковнославянского языка // *Вестн. Православ. Свято-Тихоновского гуманитар. ун-та*. 2011. Т. 3 : Филология. Вып. 2 (24). С. 80–85.
- Сурикова О. Д. Отсоматические образования с приставкой *без-* в русском и украинском антропонимиконе // *Вопр. ономастики*. 2013. № 1 (14). С. 58–78.

Рукопись поступила в редакцию 01.07.2017

Боброва Мария Владимировна

кандидат филологических наук, преподаватель
Колледжа профессионального образования
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
614990, Пермь, ул. Букирева, 15
E-mail: bomaripgu@yandex.ru

Bobrova, Maria Vladimirovna

PhD, Lecturer, College of Professional
Education
Perm State University
15, Bukireva Str., 614990 Perm, Russia
E-mail: bomaripgu@yandex.ru

Maria V. Bobrova

Perm State University
Perm, Russia

SOMATISMS IN MODERN NICKNAMES OF THE PERM REGION

The article presents a many-faceted approach to the study of the names of body parts attested in modern nicknames of the residents of the Perm region. With over 360 instances of such names collected, the author was able to: 1) compile a register of the reconstructed somatisms, with most productive lexemes also identified, 2) describe the features and functions of the mentioned body parts which happen to be more relevant to nominators, 3) define the “naive anatomy” characteristic of the nicknames, compared to the scientific view. Incidentally, the study discovers a certain “asymmetry” in the description of *Homo Somatic* the nicknames showcase: the individual organs and their systems may be presented in a detailed / exaggerated / lacunar ways; quite often these onyms are motivated by the names of the prominent exterior elements of the front-upper part of a body (face, mouth), or a belly (mostly that of pregnant women). The nicknames make note of protruding / overhanging features of the said parts, an unusually large size, unusual shape, their excessive character compared to the average, and so on. Functionally-driven scientific

accounts of body parts as life necessities are irrelevant to the “naive anatomy”. The everyday language use focuses rather on its own functional and pragmatic aspects. The human body becomes more of a spatial object with its own “landscape” and “topography”. In this regard, somatisms are seen as “landmarks” of the anatomical space, so as the somatically-motivated nicknames act like the landmarks of social space (anthroponyms are a means of distinguishing a “friend” from a “foe”). It is concluded that modern nicknames of the residents of the Perm Region derived from the somatic vocabulary reflect the viability of genetic ties between the names of body parts with the traditional worldview, as much as they testify to the discrepancies between the “naive” and the scientific principles of describing the human anatomy. The nicknames also draw upon the traditional binary oppositions of “friend / foe”, “front / rear”, “upper / lower”, whereas the opposition of “right / left” is irrelevant.

Key words: anthroponymy, nicknames, somatism, somonym, somatic vocabulary, Perm Region, cultural linguistics, dialectology.

Acknowledgements

The work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project No. 18-012-00555).

- Arutyunova, N. D. (1999). *Iazyk i mir cheloveka* [Language and the World of Man]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury.
- Bashkatova, Iu. A. (2012). Kul'turnyi smysl somatizmov (na materiale angliiskogo i russkogo iazykov) [The Cultural Meaning of Somatisms (Based on English and Russian Data)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 4(52), 3, 58–61.
- Bashkatova, Iu. A. (2014). Somaticheskii kod kul'tury kak predmet sopostavitel'nogo issledovaniia [The Somatic Code of Culture as a Subject of Comparative Research]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, 4, 220–228.
- Belyavsky, S. N. (1997). *Frazeologizmy govoriat o mnogom: obraznaia frazeologiya nemetskogo iazyka* [Idioms Tell us a Lot: German Figurative Phraseology]. Minsk: Vysheishaia shkola.
- Berezovich, E. L. (2013). O “sinonimii” perenosnykh upotreblenii somaticheskoi leksiki (na materiale slavianskikh iazykov) [On the “Synonymy” of Figurative Uses of Somatic Vocabulary (on the Material of the Slavic Languages)]. In S. M. Tolstaya (Ed.), *Ethnolinguistica Slavica* (pp. 297–315). Moscow: Indrik.
- Berezovich, E. L. (2016a). Dusha i serdtse kak organy “shestogo chuvstva” (na materiale russkogo iazyka) [The Soul and the Heart as Organs of the ‘Sixth Sense’ (on the Russian-language Material)]. In E. Masłowska, & D. Pazio-Wlazłowska (Eds.), *Dusza w oczach świata* [The Soul in the Eyes of the World] (pp. 179–194). Warsaw: Instytut Slawistyki PAN.
- Berezovich, E. L. (2016b). Somaticheskaiia model' v nominatsii predchuvstviia i intuitivnykh chuvstvovaniia [Somatic Model in the Naming of Premonitions and Intuitive Feelings]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 3, 86–93.
- Berezovich, E. L., & Leontyeva, T. V. (2007). Chelovek “razumnyi”: iazykovoii obraz duraka [Homo “Sapiens”: Linguistic Image of a Fool]. In E. L. Berezovich, *Iazyk i traditsionnaia kul'tura: Etimologicheskie issledovaniia* [Language and Traditional Culture: Ethnolinguistic Studies] (pp. 137–150). Moscow: Indrik.
- Berezovich, E. L., & Sedakova, I. A. (2012). Slavianskie somatizmy “kozha” i “shkura” i ikh vtorichnye znacheniiia [Slavic Somatisms “Skin” and “Fell” and their Secondary Meanings]. *Izvestiia RAN, Ser. iazyka i literatury*, 71(6), 12–25.

- Bilich, G. L., & Zigalova, E. Iu. (2016). *Anatomiia cheloveka (Meditsinskii atlas)* [Human Anatomy (Medical Atlas)]. Moscow: E.
- Bogus, Z. A. (2006). *Somatizmy v raznosistemnykh iazykakh: semantiko-slovoobrazovatel'nyi i lingvokul'turologicheskii aspekty (na materiale russkogo, adygeiskogo i angliiskogo iazykov)* [Somatisms in the Languages with Different Systems: Semantic-Derivational and Linguo-Cultural Aspects (Based on Russian-, Adyghean- and English-language Material)] (Doctoral dissertation summary). Maykop: Adyghe State University.
- Domosiletskaya, M. V. (2011). Anatomicheskie nazvaniia (somatizmy) v Malom dialektologicheskome atlaste balkanskikh iazykov (MDABla) [Anatomical Names (Somatisms) in the Small Dialectological Atlas of Balkan Languages]. In N. A. Bondarko, & N. N. Kazansky (Eds.), *Colloquia classica et indo-germanica* — 5 (pp. 64–100). Saint Petersburg: Nauka.
- Egorov, A. V. (2011). *Udmurtskaia somaticheskaiia frazeologiiia (v sopostavlenii s vengerskoi)* [Udmurt Somatic Phraseology (in Comparison with Hungarian)]. Ekaterinburg; Izhevsk: Ural Branch of RAS.
- Gordy, M. (2010). *Somaticheskaiia frazeologiiia sovremennogo russkogo i pol'skogo iazykov* [Somatic Phraseology of the Modern Russian and Polish Languages]. Szczecin: Volumina.
- Ivchenkova, E. V. (2011). Somaticheskie frazeologizmy kak iazykovye eksponenty kul'turnykh znakov v gazetnom tekste [Somatic Idioms as Linguistic Exponents of Cultural Signs in the Newspaper Text]. *Vesnik Belaruskaga dzharzhavnaga universiteta*, 4, 3, 101–104.
- Krasnykh, V. V. (2001). *Osnovy psikholingvistiki i teorii kommunikatsii* [Foundations of Psycholinguistics and the Theory of Communication]. Moscow: Gnozis.
- Kryukov, A. V. (2012). Somaticheskaiia leksika v finskoi geograficheskoi terminologii i toponimii Ingermanlandii [Somatic Vocabulary in the Finnish Geographical Terminology and Place Names of Ingermanland]. In N. V. Kuznetsova (Ed.), *Fenno-Lapponica Petropolitana* (pp. 289–329). Saint Petersburg: Nauka.
- Masaleva, N. V. (2010). *Somatizmy v russkoi iazykovoii kartine mira* [Somatisms in the Russian-Language Worldview] (Doctoral dissertation). Ivanovo: Ivanovo State University.
- Mugu, R. Iu. (2003). *Polisemantizm somaticheskoi leksiki (na materiale russkogo i nemetskogo iazykov)* [The Polysemy of Somatic Vocabulary (Based on Russian- and German-Language Material)] (Doctoral dissertation summary). Maykop: Adyghe State University.
- Omiralieva, Zh. K. (1999). *Natsional'no-kul'turnaia spetsifika konventsional'nykh frazeologizmov s somatizmami* [National and Cultural Specificity of the Conventional Phraseology with Somatisms]. (Doctoral dissertation summary). Almaty: Al-Farabi Kazakh National University.
- Sapin, M. R., & Shvetsov, E. V. (2008). *Anatomiia cheloveka* [Human Anatomy]. Rostov-on-Don: Feniks.
- Sirotkina, T. A. (1999). *Antroponimy v leksicheskoi sisteme odnogo govora i ikh leksikografiia v nedifferentsial'nom dialektnom slovare (na materiale govora derevni Akchim Krasnovisherskogo raiona Permskoi oblasti)* [Anthroponyms in the Lexical System of a Single Dialect and their Lexicographic Presentation in a General Dialectal Dictionary (with Reference to Akchim Village Dialect, Krasnovishersk District, Perm Region)] (Doctoral dissertation). Perm: Perm State University.
- Sarykh, O. V. (2011). Somatizmy kak osobyi klass slov v leksicheskoi sisteme tserkovnoslavianskogo iazyka [Somatisms as a Specific Class of Words in the Church Slavonic Lexical System]. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta*, 3: Filologiiia, 2 (24), 80–85.
- Surikova, O. D. (2013). Otsomaticheskie obrazovaniia s prstavkoi bez- v russkom i ukrainskom antroponimikone [Derivatives of Somatisms Prefixed with bez- in Russian and Ukrainian Anthroponymy]. *Voprosy onomastiki*, 1 (14), 58–78.